

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 120–126.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):120–126.

Научная статья
УДК 94(477.6)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-120-126

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА ДОНБАССА

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновоя²✉

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru

Аннотация. В статье в ракурсе важнейших теоретических и практических вопросов, связанных с выявлением причин регионального своеобразия и особенностей управления развитием отдельных регионов, анализируется комплекс проблем, касающихся и методологии регионалистики, в целом, и применения акторного подхода к исследованию социальной реальности, в частности. В качестве объекта исследования выступает казачество Донбасса. С одной стороны, оно представляет собой четко обозначенный отряд внутри казачества. С другой стороны, степень консолидации казачества Донбасса как в прошлом, так и в настоящем ниже, чем у других казачьих образований в регионах как в Российской империи, так и современной России. Причины такого положения следует искать в исторических, геополитических и этнопсихологических факторах формирования данной социальной общности.

Ключевые слова: история, казачество, народные восстания, региональные проблемы, административно-территориальное деление

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновоя Л. О. Исторические, геополитические и этнопсихологические особенности формирования казачества Донбасса // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 120–126. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-120-126>.

Research article

HISTORICAL, GEOPOLITICAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE COSSACKS OF DONBASS

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Lyudmila O. Ternovaya²✉

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru

Abstract. In the article, from the perspective of the most important theoretical and practical issues related to identifying the causes of regional originality and the peculiarities of managing the development of individual regions, the complex of problems related to the methodology of regional studies, in general, and the application of the actor approach to the study of social reality, in particular, is analyzed. The object of the study is the Cossacks of Donbass. On the one hand, it represents a clearly defined detachment within the Cossacks. On the other hand, the degree of consolidation of the Cossacks of Donbass, both in the past and in the present, is lower than that of other Cossack formations in the regions both in the Russian Empire and

modern Russia. The reasons for this situation should be sought in the historical, geopolitical and ethno-psychological factors in the formation of this social community.

Keywords: history, Cossacks, popular uprisings, regional problems, administrative-territorial division

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Historical, geopolitical and ethnopsychological features of the formation of the cossacks of Donbass. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):120–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-120-126>.

Феномен казачества не исчерпывается его характеристиками как уникальной военно-этнической социальной общности [1, с. 24–34]. Изучение казачества открывает возможности достаточно глубокого исторического анализа событий, в которых были задействованы казаки, позволяя проследить, как формировались и выражались интересы самого казачества, так и тех сил, которые стремились привлечь казаков к продвижению собственных внутриполитических или международных проектов, сосредоточившись на коллизии ролей участников этих процессов [2].

Также не менее продуктивным представляется подход, который дает исследователям возможность привлечь комплекс документов, связанных с историей казачества, к характеристике пространственных моделей развития. Такой анализ имеет принципиальное значение, с точки зрения понимания особенностей исторической памяти. Имея общие истоки и традиции, казаки, обосновавшиеся на какой-либо территории не просто впитывали и отражали специфику места, но и становились своеобразными не только носителями, но и хранителями его памяти.

Среди исторических источников, передающих смыслы, вкладываемые людьми в любое освоенное ими пространство, а, еще более, в территории, остающиеся не до конца изученными и поэтому исключительно притягательные, особо выделяются географические карты [3, с. 568–574]. Имеется немало любопытных и одновременно поучительных карт, связанных с казачеством. Например, «Атлас земель ирегулярных войск» (1858) включает карты земель: Астраханского казачьего войска, Азовского казачьего войска, Донского казачьего войска, Новороссийского казачьего войска, Сибирского Линейного Казачьего войска, Черноморского и Кавказского линейных казачьих войск, Оренбургского, Уральского и Башкирского казачьих войск, Забайкальского каза-

чьего войска, а также Иркутского и Енисейского конных полков. Естественно, каждая из представленных в этом Атласе карт наглядно и ярко передает отличия расселения казаков и размещения войск на разных территориях. Изучение таких различий помогает ученым разобраться в причинах появления специфических черт устройства быта и организации службы казаков, а также в том, какую роль могли играть казачьи образования в организации общественной жизни в данной местности.

По понятным причинам в настоящее время исследователей привлекает проблематика, касающаяся изучения того, как формировалось казачество Донбасса. Помочь прояснить некоторые особенности данного процесса может карта, хранящаяся в фондах краеведческого музея Донецка из сборника, датируемого 1700 годом, составленного знаменитым инженером-географом и картографом XVII столетия Алексисом-Юбером Жайо.

Во-первых, интересна сама фигура Жайо как составителя нескольких атласов. Среди них выделяются атласы, составленные по материалам французского историка и картографа Николая Сансона и его сыновей, в частности, карты России, относящейся к 1648 году, то есть времени окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) и создания первой в истории системы международных отношений — Вестфальской, созданной на базе Вестфальского мира.

Во-вторых, любопытен не только фактографический анализ карт Жайо, но и искусствоведческий, поскольку он, будучи также скульптором и художником, приносил в свои карты декоративные элементы, прославляющие военные триумфы и политические добродетели Людовика XIV, у которого интерес к творчеству Жайо диктовался геополитическими амбициями. В 1692 году по поручению французского короля Жайо для герцога Бургундии создает большой атлас из 95 карт Сансона —

«*Atlas novus ad serenissime Burgundiæ ducis. Atlas françois à usage de monseigneur le duc de Bourgogne contenant les cartes, et des empires, monarchies, royaumes, et états du monde*». В нем имеются карты Причерноморья в виде гравюр с художественными рисунками. На этих картах Азовское море впервые названо не распространенным с греческих времен пелагонимом (от греческого πέλαγος — море, ονομά — имя) «Меотида», а *Mare Asoviense*. Изображена на карте территория и современного Донбасса. Ее картограф поместил на берегах Азовского моря и обозначил как граничащую с Московской территорией — *Territorium Kazakorum Donensium*. Несмотря на то, что данный топоним сложно перевести, он четко указывает на локализацию казачьих поселений в этом регионе.

Согласно многочисленным источникам, казаки появились Северном Причерноморье задолго до XVII века. Ранний этап формирования казачества протекал в русле истории Золотой Орды (тюрк. *Улуг Улус* — Великая Страна, Великое Государство). Но этот же этап включал и распад Золотой Орды на несколько ханств [4, с. 9–17]. Переломным моментом этого периода явилась битва на Тереке 15 апреля 1395 г. между войсками Тамерлана и золотоордынской армией хана Тохтамыша, в которой ордынцы потерпели сокрушительное поражение.

В итоге произошло геополитическое реформирование подконтрольных Орде земель. Южная часть современного Донбасса оказалась северо-восточным рубежом Крымского ханства, игравшим роль буферной зоны между Крымом и Великим княжеством Московским. Именно в эти места стремились вольные, смелые и решительные люди, готовые и за себя постоять, и защитить того, кто искал их помощи. Так, постепенно складывались территории, культура, образ жизни казачества.

Чуть позже, в XVI–XVIII столетиях, земли северо-западнее этой территории стали заселяться выходцами из центральных русских областей, а также православными переселенцами из Малороссии, которая принадлежала в то время Речи Посполитой. Переселившиеся в этот регион, получивший наименование Слободской Украины, были освобождены от упла-

ты налогов, но за это обязаны были нести сторожевую службу. Именно в тот период закладывались слободы, села, города будущего Донбасса (Бахмут, Маяцкий городок) и культовые места (Святогорская Свято-Успенская лавра). Оборонять от татарских набегов было необходимо и развивающиеся промыслы, в частности, соляной промысел, который возник на соленых озерах, находящихся в районе современного Славянска. Задачи охраны требовали от вольного казачества уже не кочевого уклада жизни, а размеренного и эффективного хозяйства, в котором существенное место занимало коневодство, обеспечивающие казаков поголовьем лошадей, необходимых для военных походов. А для обустройства быта надо было поднимать земледелие и скотоводство, развивать ремесла, укреплять поселения, а с ними и благополучие их жителей. Большинство из них придерживались исконных семейных традиций, старались создавать семьи, при этом беря в жены крещеных черкешенок и татарок, а иногда и турчанок. Этим донские казаки уже в те годы заметно отличались от казаков Запорожской Сечи, представлявших исключительно мужское братство.

По мере заселения земель и увеличения численности населения региона там усиливалась социальная дифференциация, формировалась как зажиточная часть казачества, так и его бедняцкая масса. Ее представители, часто не имея возможности обзавестись хозяйством или устроиться на работу по найму, промышляли грабежами или набегам на соседей. Это усиливало и без того высокую конфликтность между отдельными казачьими образованиями. Известно, что на рубеже XVII–XVIII столетий из-за земли в долинах рек Бахмут, Жеребец и Красная вспыхнул спор между донским казачеством и Изюмским слободским казачьим полком, который был создан 1688 году из переселенцев из Правобережной Украины. Основной причиной раздора, периодически переходящего в вооруженные столкновения, явились бахмутские солевые промыслы, приносящие высокий доход. Казакам пришлось даже обращаться в Москву за посредничеством. Приехавшие царские посланцы после опроса старожилов, приняли сторону Изюмского полка, с чем не согласились донские

казаки. Нападения на слободских солеваров продолжились.

Именно с этих нападений осенью 1705 г. началось восстание под руководством бахмутского атамана Кондратия Булавина. Точкой отсчета бунта стал захват отрядом донских казаков солеварни, принадлежащей государству, вблизи Бахмутского городка. В конфликт пришлось лично вмешаться царю Петру I. Согласно изданной им грамоте спорная территория отходила к Изюмскому полку, что вызвало резкое недовольство донских казаков. Летом 1707 г. возмущение казаков еще более усилилось из-за царского указа о поиске беглых крепостных на Дону и их возвращении помещикам. Этим нарушалось издревле бытовавший обычай «с Дона выдачи нет».

Озлобленность на такой указ со стороны казаков возросла после прибытия на Дон небольшого отряда регулярной армии во главе с полковником, князем Юрием Долгоруковым. После объявления в Черкасске, казачьей столице, государевой воли Долгоруков начал рейд, в ходе которого было выявлено около двух тысяч беглых крепостных. Жесткие действия подталкивали всех недовольных властями объединяться вокруг Булавина, который обладал достаточным опытом и авторитетом, чтобы привлечь на свою сторону достаточное для начала восстания число казаков. Однако далеко не все донские казаки поддержали восставших. Наоборот, атаман Лукьян Максимов с отрядом верных власти казаков и калмыков выступил против восставших. После поражения в сражении на реке Айдар близ городка Закотного, Булавин вынужден был бежать. Его приняли запорожские казаки. Из Запорожской Сечи Булавин посылал воззвания и вербовал новых сторонников. Ему удалось не только собрать почти двадцать тысяч казаков, но и с новыми силами захватить Черкасск, казнить промосковских старшин и добиться своего избрания новым атаманом Войска Донского. В планах было взятие под полный контроль южных русских земель от Волги и до Слобожанщины. Такие намерения воспринимались властью как серьезная угроза, а потому и войска, посланные для разгрома повстанцев, были весьма многочисленными и насчитывали более тридцати тысяч вооруженных бойцов, которы-

ми руководил брат убитого Булавиным Юрия Долгорукова Василий, служивший майором лейб-гвардии Преображенского полка. В итоге бунт был подавлен, а значительная часть донских казаков присягнула государю.

Некоторые уроки этого восстания позволяют понять причины весьма сложной конфигурации, присущей организации казачества на Донбассе и в наши дни [5–6]. Прежде всего, обнаружилось отсутствие единства рядов казачества, которое касается различия его Запорожской и Донской ветвей. Своеобразным манифестом этого раскола стали измена запорожцев России в 1709 году и их присоединение к войскам шведского короля Карла XII. Следующим шагом, углубившим раскол этих частей казачества, явился указ императрицы Елизаветы Петровны от 1746 года. В этом документе шла речь об изменении пределов Войска Запорожского и передаче донцам его земель, располагающихся между реками Дон и Кальмиус.

Также наблюдалось отсутствие единства внутри той его части, что расселилась по правую сторону Дона. В начале XVIII века это выразилось в том, что поддерживавшие власти слобожанские казаки воспользовались ситуацией, чтобы избавиться от конкурентов в лице донских казаков. Далее раскол внутри казачества проявился в действиях той его части, которую стали называть некрасовцами честь их лидера Игната Некрасова. Некрасовцы в сентябре 1708 г., после подавления Булавицкого восстания, ушли с Дона сначала на Кубань, а позже — в Бессарабию, Болгарию и другие земли.

Булавицкое восстание было своеобразным взлетом пассионарности донского казачества. С крахом движения прекратилось самобытное казачье освоение территории будущего Донбасса. Донцы были лишены территорий в долине Северского Донца. Многие поселения казаков пришли в упадок. В составе Донского войска остались земли, относящиеся ныне к восточной части Донбасса, а южные и западные перешли под управление центральной власти.

В ходе дальнейшего совершенствования территориального и военного управления, вызванного тем, что отпала потребность в под-

держании постоянной боевой готовности казаков для защиты границ Российского государства, в 1765 году слободские полки были окончательно распущены. В 1792 году императрицей Екатериной II были установлены границы Земли Войска Донского. Поскольку в тот период уже не существовало Запорожской Сечи, то ее владения были переданы Новороссийской губернии.

Вспомним, что упомянутый в начале статьи «Атлас земель иррегулярных войск» содержит карту земель Азовского казачьего войска. Его образование в 1832 году явилось также результатом стремления властей Российской империи после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. организовать бывших запорожских казаков Задунайской Сечи, которые воевали на русской стороне и в русское подданство перешли из турецкого.

Заметим, что власти учли знакомство этих казаков с обычаями, бытовавшими на сопредельных с Россией территориях, а потому в число обязанностей нового казачьего войска вошли задачи борьбы с контрабандистами на Черном море. Эту задачу казаки выполняли, патрулируя морскую границу на быстроходных баркасах. С помощью казаков командующему Черноморским флотом адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, известному как одному из открывателей Антарктиды, в 1830–1840-х годах удалось наладить крейсерование русских военных кораблей вдоль Черноморского побережья Кавказа [7]. Во время этой военноморской операции было пресечено не только черкесское пиратство, но и прерваны поставки в Черкесию, воюющую с Россией, оружия и боеприпасов из Османской Турции. Несмотря на такие заслуги в 1865 году правительством было принято решение об упразднении Азовского войска. Некоторые казаки переселились на Кубань и там сохранили свой статус. Другая их часть, оставшаяся на землях будущего Донбасса, потеряв обязанности, связанные с казачьей службой, пополнила ряды крестьянства и мещан [8].

С конца XIX столетия и до 1917 года не появилось никаких новых импульсов консолидации казачества. Власти, наоборот, видели перспективу в дальнейшем его социальном размывании. 1 января 1863 г. русский военный

историк и теоретик, военный министр, основной разработчик военной реформы Дмитрий Алексеевич Милютин разослал по войскам подготовленную им записку, где шла речь о: замене поголовной службы казаков набором охочих людей, любящих это дело; установлении свободного доступа и выхода людей из казачьего состояния; введения личной поземельной собственности на землю; разграничение в казачьих областях военной части от гражданской, судебной — от административной и внесение имперского права в судопроизводство и судоустройство. В ответ на это ему была направлена записка начальника штаба Войска Донского генерал-лейтенанта Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, в которой обращалось внимание на три незыблемых начала казачьей жизни: общественную земельную собственность; кастовую замкнутость казачьего Войска; существующие обычаи выборного начала и самоуправления.

Нельзя не отметить, что эти же начала не устраивали и пришедших в октябре 1917 г. к власти большевиков. Поэтому вполне органичным было решение вождей новой Советской России о передаче в начале 1920 года части Донбасса Украине. Это противоречило решению прошедшего в начале февраля того же года в Юзовке (современный Донецк) съезда волостных ревкомов Юзовского района об экономическом и политическом слиянии региона с Советской Россией, а не с Украиной. Еще один ценный исторический источник — печати, скрепляющие это решение, четко обозначают российскую принадлежность территории Донбасса. Однако Сталин 15 февраля подписал Постановление Совета Укртрударма (Украинской трудовой армии) об образовании Донецкой губернии из частей Харьковской, Екатеринославской губерний и Области Войска Донского. Именно на последней из перечисленных в Постановлении территорий находились главные угольные месторождения Донецкого бассейна [9, с. 236–243].

Можно считать дату принятия Постановления началом новой фазы кризиса положения казачества Донбасса. Это было не ослабление, а углубление кризисных явлений. При этом следует осознавать, что имелась и предшествующая ей фаза, начавшаяся уже после поражения

Булавинского восстания. Пик той стадии пришелся на период военной реформы 1860-х годов. А также существовала последующая стадия, хотя напрямую она не затрагивала ни территорию Донбасса, ни казачество. Эта третья фаза кризиса началась с передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, осуществленной на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. и утвержденного законом СССР от 26 апреля того же года [4, 10]. Этим не менее волюнтаристическим действием Никиты Сергеевича Хрущева, чем Постановление, воплощающее сталинскую модель административно-территориальной организации советского государства, резались по живому связи казаков с пространством Новороссии как историческим регионом Российской империи в Северном Причерноморье. Рано или поздно назревающий кризис должен был привести к пониманию необходимости разрешения ситуации не только в геополитическом смысле, но и в аспекте социально-политической консолидации этносов и субэтносов, проживающих на этих землях и подъема их самосознания.

Примером таких действий стало стихийное создание на Донбассе еще до государственного переворота 1914 года на Украине отрядов самообороны из местных казаков [11]. Позже, в декабре 2015 г., было заявлено об образовании Международного Союза общественных объединений (организаций) «Объединенное казачество Донбасса» одновременно казаками и казачьими организациями Донецкой Народной Республики (ДНР) и «Крымским казачьим Союзом» Российской Федерации. Основ-

ной задачей этой структуры называется объединение в ее рядах казаков, исторических потомков Запорожского и Донского казачества, с целью сохранения исторического наследия и культурного, социального развития и оздоровления современного общества. Появились и другие казачьи формирования, в частности: «Терская волчья сотня», сформированная в Крыму во время «Крымской весны»; «Казачья национальная гвардия» (КНГ); «Стахановская казачья самооборона»; Казачий батальон «Ермак»; Группа быстрого реагирования «Бэтмен»; Отряд «Фотон»; 2-й казачий батальон имени Кондратия Булавина; Первая казачья сотня имени Стаса Синельникова и др. [12].

Несмотря на активность процесса создания казачьих формирований он не привел к выделению казачества на Донбассе в качестве самостоятельной социальной силы. Это объясняется не только недостаточными усилиями казаков, но и тем, что казачество имеет те же задачи, что и все население Донбасса. Поэтому казачьи формирования оказались легко интегрированными в соединения народной милиции ДНР и Луганской Народной Республики (ЛНР). Также понятно, что процесс активного возрождения казачества Донбасса, предпосылками которого выступают исторические, геополитические и этнопсихологические основания, начнется не только после завершения специальной военной операции России, но и после полноценного восстановления территорий, на которых шло образование казачества, зарождение его традиций, среди которых всегда выделялись связанные с его вольным духом и преданности Отчизне.

Список источников

1. Багаева А. В., Терновая Л. О. Военно-этнические группы — акторы международных отношений // Казачество. 2017. Вып. 25(1). С. 24–34.
2. Багаева А. В., Терновая Л. О. Акторы — актеры: деловые игры в изучении социологии международных отношений : учебное пособие. М. : Город XXI век, 2017. 370 с.
3. Терновая Л. О. Картографическая культура Большой Евразии: образы географии в геополитике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2. М. : РАН. ИНИОН, 2020. С. 568–574.
4. Терновая Л. О. Казачество и Золотая Орда // Казачество. 2021. № 52 (75). С. 9–17.
5. Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.
6. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1961. 376 с.
7. Черноусов А. А. Адмирал Лазарев. Роль личности в истории России. СПб. : Гангут, 2011. 342 с.
8. Бунтовский С. История Донбасса. От первых людей до современности // ЛибФокс : сайт. URL: <https://www.libfox.ru/652709-sergey-buntovskiy-istoriya-donbassa-ot-pervyh-lyudey-do-sovremennosti.html>

9. Гончаров П. К. Статус Донбасса: алгоритм зарождения, развития и разрешения конфликта // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 236–243.

10. О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР : Закон СССР от 26 апреля 1954 г. : прекратил действие // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/zakony/3946680/chapter/16431423d8a7c81067c9042341219398>

11. Коновалов И. Казаки: формирования в войне на Донбассе // Дзен.ру : сайт. UTL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dab435843fdc000b16380ad/kazaki-formirovaniia-v-voine-na-donbasse-5eee49dff6f3f07191b6a54>. Дата публикации: 20.06.2020.

12. Терновская Л. О. Исторические основы геополитического потенциала российского казачества. М. : Инфра-М, 2018. 195 с.

References

1. Bagaeva A. V., Ternovaya L. O. Military-ethnic groups — actors of international relations. *Kazachestvo = Cossacks*. 2017;25(1):24–34. (In Russ.).

2. Bagaeva A. V., Ternovaya L. O. Actors — actors: business games in the study of the sociology of international relations: a textbook. Moscow: City XXI century; 2017. 370 p. (In Russ.).

3. Ternovaya L. O. Cartographic culture of Greater Eurasia: images of geography in geopolitics. *Bol'shaya Evraziya: Razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik = Greater Eurasia: Development, security, cooperation*. Yearbook. Issue. 3. Part 2. Moscow: RAN. INION; 2020. P. 568–574. (In Russ.).

4. Ternovaya L. O. Cossacks and the Golden Horde. *Kazachestvo = Cossacks*. 2021;52(75):9–17. (In Russ.).

5. Podyapolskaya E. P. Bulavin's Rebellion. 1707–1709 Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1962. 216 p. (In Russ.).

6. Pronshtein A. P. The Don Land in the 18th century. Rostov na Donu: Publishing House of Rostov University; 1961. 376 p. (In Russ.).

7. Chernousov A. A. Admiral Lazarev. The role of personality in the history of Russia. Saint Petersburg: Gangut; 2011. 342 p. (In Russ.).

8. Buntovsky S. History of Donbass. From the first people to the present. LibFox: site. (In Russ.). Available from: <https://www.libfox.ru/652709-sergey-buntovskiy-istoriya-donbassa-ot-pervyh-lyudey-do-sovremennosti.html>

9. Goncharov P. K. The status of Donbass: an algorithm for the origin, development and resolution of the conflict. *Social`no-gumanitarny`e znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2015;(3):236–243. (In Russ.).

10. "On the transfer of the Crimean region from the RSFSR to the Ukrainian SSR": Law of the USSR dated April 26, 1954: terminated // Website of the Constitution of the Russian Federation. (In Russ.). Available from: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/zakony/3946680/chapter/16431423d8a7c81067c9042341219398>

11. Konovalov I. Cossacks: formations in the war in the Donbas // Zen.ru: site. (In Russ.). Available from: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dab435843fdc000b16380ad/kazaki-formirovaniia-v-voine-na-donbasse-5eee49dff6f3f07191b6a54>. Publication date: 06/20/2020.

12. Ternovaya L. O. Historical foundations of the geopolitical potential of the Russian Cossacks. Moscow: Infra-M; 2018. 195 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, профессор, директор;

Л. О. Терновская — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.